

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2+94 (410)

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.167-179

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМПРОМИСС В ВИКТОРИАНСКОЙ АНГЛИИ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.К. Шабунина

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, 119334, Россия

Аннотация

Статья посвящена эволюции границ исследовательского поля новой социальной истории. На примере изучения практики общественного компромисса в викторианской Англии показана возможность реализации актуального методологического принципа интердисциплинарности применительно к социокультурным практикам. Целью статьи является апробирование внедрения принципа интердисциплинарности в теоретическую модель изучения социального, что соответствует запросу постнеклассической науки. В результате исследования установлено, что на формирование практики повлияла группа факторов: избирательные реформы, легализация тред-юнионов, распространение кооперативов, демократизация институтов власти, эмиграция низкоквалифицированных рабочих, формирование новой общественной идеологии и повышение образовательного уровня рабочих. Итогом применения интердисциплинарной исследовательской модели стал тезис, что компромисс как форма разрешения конфликта достигался через объединение культурных норм и ценностей полярных слоев общества, где расширяющийся средний класс выступал стабилизатором общего культурного мировоззренческого пласта. Английский социальный компромисс позволил преодолеть социально-экономический кризис и заложил основы современной европейской политической стратегии снижения конфликтности. Сделан вывод, что сконструированная модель изучения социального компромисса может расширить свои границы за счет эпистемологической реструктуризации инструментария историка при использовании многомерности междисциплинарного подхода и дальнейшем расширении исследовательских границ.

Ключевые слова: общественный компромисс, социальный компромисс, новая социальная история, социокультурная практика, исследовательское поле, интердисциплинарность, границы исследований, викторианская Англия

Историографическая ситуация начала XXI в. предполагает пересмотр исследовательских поворотов, концептуальное осмысление, апробацию и институционализирование обновленных направлений исторической науки. Реализация данной тенденции приводит к «существенному расширению проблематики и образованию новых предметных полей» [1, с. 62] с заметным охватом традиционной проблематики социальной истории. Обновляющееся исследовательское поле помещает в центр исследовательской модели личность, страту или группу, которые, в свою очередь, могут быть эпистемологически интерпретированы и как

культурно-исторический объект, и как социально-исторический субъект. При этом индивидуальный или коллективный субъект реализуется в непрерывно развивающейся социально-исторической среде, которая формируется на основе совокупности трансформирующихся социокультурных представлений. Как подчеркивает Л.П. Репина, «в новейшей социальной истории базовые концепции социальной структуры, культуры и индивида перестают рассматриваться как некие отдельные друг от друга онтологические сущности и понимаются как взаимосвязанные аспекты, или измерения, человеческого поведения и социального взаимодействия. <...> Социальная история в ее новейшем модусе, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, превратилась в своей основе в историю социокультурную» [1, с. 118].

Отход от традиционных проблемных точек социального исследования – изучения процессов и истории социальных структур – привел к оформлению в 60–70-е годы XX в. «новой социальной истории», одной из задач которой стало соединение в одном методологическом направлении изучения социального и культурного компонентов. Было принципиально расширено предметное поле социальных исследований как неотъемлемого компонента структуры исторического знания. Заданная траектория конструирования прошлого базировалась на теориях 80-х годов XX в., и особенно на «теории структуризации» Э. Гидденса, согласно которой социальное выступает суммой «правил», «ресурсов» и «процедур», которая выражается через их динамичное применение историческими акторами в процессе реализации социальных практик. Пройдя через ряд научных «поворотов» конца XX в. новая социальная история целенаправленно конструирует предмет изучения, помещая в центр исследования социокультурную практику; «именно практики, а не структуры становятся отправным пунктом социально-исторического анализа, обогащенного “субъективной перспективой” действующих индивидов. Эта перспектива раскрывается в изучении совершаемых индивидами ментальных актов и применяемых ими интерпретационных схем – такое изучение акцентирует расхождения между культурно заданными значениями и индивидуальным, исторически обусловленным их употреблением» [2, с. 12]. Исследования в рамках новой социальной истории делают акцент на анализе культурных причин формирования и трансформации социальных практик, эволюции восприятия социально-экономических процессов в понимании демократических слоев общества и в целом концентрируют свое внимание на культурном аспекте социальной трансформации [3, с. 161–167]. В частности, Э.П. Томпсон, описывая специфичную культуру английских рабочих, призывал историков к изучению двух проблем – «продолжающейся традиции и меняющегося контекста»¹ [4, р. 24]. В развитие данного тезиса через призму традиций и ценностей англичан оказывается возможным в рамках новой социальной истории рассмотреть модель социокультурной практики общественного компромисса, которая позволила викторианцам преодолеть кризис без революционных потрясений и сформировать новую, постконфликтную, консенсусную культуру.

¹ Перевод с английского здесь и далее наш. – А.Ш.

В категориальном аппарате современного гуманитарного знания параллельно действуют различно сформулированные определения термина «социальный, или общественный, компромисс». Социальный философ Н.Н. Моисеев видит компромисс как осознаваемое коллективное решение, выгодное всем субъектам конфликтной ситуации [5]. Философ Р. Арон дает определение через феноменологический подход, видя специфику компромисса как формы коммуникации в «приемлемости решения сторон социального процесса на основании признания справедливости приводимых аргументов» [6, с. 71]. Российский философ А.К. Зайцев определяет компромисс как «метод разрешения социальных противоречий демократических стран, суть которого заключается в управлении конфликтами на основе достижения соглашения» [7, с. 195–196].

Социолог В.Н. Кузнецов в своих работах подчеркивает специфику компромисса как общественного явления, суть которого содержится в сформулированной позиции сторон, их целях и ценностях, готовности и организации диалога, понимании и принятии субъектами конфликта (противоположными сторонами) компромиссной модели будущей организации социума [8, с. 142–143].

На основе анализа трудов, посвященных компромиссу в социальных моделях, в настоящем исследовании предлагается собственное определение общественного компромисса. *Под компромиссом понимается приемлемая сторонами общественного конфликта система форм и методов снижения социальной напряженности, выработанная субъектами конфликта на основе единых идеологических, ценностных и социокультурных предпосылок.*

При этом применительно к изучаемой исторической ситуации, сложившейся в викторианской Англии, социокультурная практика общественного компромисса может быть определена как взаимосвязанная культурно-мировоззренческая система реализованных форм и методов социального регулирования, противопоставленных революционному взрыву в рамках ненасильственного разрешения кризиса. Выступая в качестве формы межклассового примирения, социокультурная практика компромисса обладала потенциалом разрешения конфликтов разного уровня, которые, в свою очередь, регламентировались масштабами участвующих в конфликте субъектов диалога: индивидами, стратами, отдельными группами, институтами общества.

С точки зрения социологического подхода в изучении истории практики компромисса необходимо отметить, что сам консенсус может возникнуть только как возможный ответ на существующий и осознаваемый обществом кризис или конфликтогенную асимметрию, которой применительно к викторианской эпохе становится социально-экономический кризис, вызванный промышленным переворотом.

Еще одним условием утверждения социального консенсуса становится стремление каждой из сторон выйти из конфликтогенной ситуации «с минимальными потерями для всей системы» [9, с. 118]. В викторианской Англии сформировалась уникальная конфликтная ситуация, когда и бедняки, и властная элита, принадлежавшие к различным культурным слоям, были объединены в одну геосоциальную систему Британской империи, которая в это время расширялась экономически и территориально. Противоборствующие стороны стремились к разрешению конфликта без подрыва государственного строя, осознавая, что урон,

нанесенный насильственными методами разрешения общественных противоречий, нанесет бóльший урон всем социальным стратам.

Модель общественного компромисса несет в себе концептуально мирный характер в преодолении противоречий, но, выступая как динамичная система, существует при наличии самого противоборства (признанных друг другом сторон) как фактора взаимодействия. Так, одним из последствий радикального чартизма конца 40-х годов XIX в. становится принятие привилегированными слоями общества городских низов в качестве полноправного актора социального пространства, что позволило внедрять долговременную политику компромисса. При этом степень надежности общественного договора в рамках достижения консенсуса может определяться принципом устойчивости справедливого/равновесного компромисса.

Многопредметность и многофакторность конфликта как явления обосновывает сам феномен общественного компромисса и требует от исследователей фиксации и последующего изучения форм его реализации в точках возможного диалога применительно к рассматриваемой теме – коммуникации между властной элитой и пауперами². Становление компромисса как социокультурной практики реализовывалось на основе трансформации избирательного законодательства и политической культуры, демократизации социальных институтов, легализации и популяризации для среднего класса и бедняков деятельности рабочих организаций в рамках достижения договора на уровне локальных производственных конфликтов (через тред-юнионы, кооперативы, клубы просвещения рабочих и самообразования, кассы взаимопомощи, эмигрантские сообщества и др.).

Консенсус как форма разрешения конфликта достигался через призму сплавляющихся культурных норм и ценностей полярных слоев общества, где расширяющийся средний класс выступал своеобразным стабилизатором общего мировоззренческого пространства. Такая «социокультурная» защита от революционного взрыва строилась на «общих, понятных сторонам ценностях и едином понимании целей, идеалов, национальных интересов» [8, с. 78], выраженных в исследуемый период в системе аксиологических категорий, значимых для национальной английской идентичности. Формирование практики компромисса было связано с принятием идеи единого общественного пространства на основе общего культурного кода викторианцев – *englishness* (английскость). Ставя во главу угла социальное партнерство, средние классы викторианского общества транслировали через имперскую идеологию и расширение образования рабочих идеи сотрудничества и необходимость компромисса в борьбе с общественной конфликтностью. Подобная постановка вопроса вызывает необходимость рассматривать социальное и культурное в их тесном взаимодействии, где компоненты усиливают друг друга и, переплетаясь, выступают для историка как единая социокультурная практика, задачам изучения которой наиболее корректно отвечает методологический инструментарий новой социальной истории.

Английская компромиссная модель, которая формировалась в условиях промышленных и имперских побед викторианского периода, позволила преодолеть социально-экономический кризис и заложила основы современной европейской

² Англ. *pauper* – нищий.

политической стратегии снижения конфликтогенности. Многофакторное формирование и процесс внедрения в социальную ткань викторианской эпохи социокультурной практики консенсуса наиболее активно происходили в период с 1850 по 1884 г. В данный временной промежуток от событий революционного чартизма до избирательной реформы 1884 г. викторианское общество создает такие формы реализации социального управления, которые смогли в относительно стабильный экономический период сформировать новые культурные ориентации, оформить комплекс практик локального характера и сгладить конфликты между бедняками и властной элитой через проведение ряда прецедентов про-рабочих законов.

В условиях действия негативного фактора социального кризиса оформлялись основы практики консенсуса как формы разрешения конфликтов без концептуального переосмысления принципов существующего политического строя. Толчком к началу активного процесса институционализации консенсусных форм выступил вызванный радикальным чартизмом страх революции, распространившийся среди властной элиты. Движение за хартию, с одной стороны, стало вызовом для общества в целом, с другой – именно в самом тексте хартии была четко выражена, зафиксирована и репрезентована позиция социальных низов. Документ выразил политические требования расширения избирательных прав и конфликтогенерирующие социально-бытовые потребности городских низов, оформив требования бедняков, с которыми после фиксации положений в хартии и связанной с ней программе «новых чартистов» (Пост.) можно было налаживать диалог с целью создания равновесного устойчивого компромисса.

В исследуемый период сформировался комплекс экономических, политических и социальных практик, значительно изменивший социокультурный ландшафт общественных отношений в викторианской Англии. На формирование исследуемой практики повлияли факторы, реализованные в викторианском обществе: последовательные избирательные реформы, легализация тред-юнионов, распространение кооперативов, демократизация институтов власти, эмиграция низкоквалифицированных рабочих, распространение империалистических идей, формирование новой социальной идеологии и повышение образовательного уровня рабочих. На основе коммуникации властной элиты и рабочих при участии среднего класса и рабочей аристократии как медиаторов межклассового диалога была сформирована единая социокультурная среда, которая зиждилась на повышении уровня образованности рабочих, возможности их представительства в парламенте и распространении поддержанной всеми слоями идеи единой нации.

Реализация социокультурной практики компромисса показала возможность межклассового консенсуса викторианского общества исследуемого периода, но его отличительной чертой стала непродолжительность. Постепенное угасание британского могущества с конца XIX в. становится причиной социальной дестабилизации, однако в рамках социальных движений не происходит падения до уровня «революционных сороковых». Выработанные формы общественного диалога за счет своего культурного компонента и утверждения в мировоззрении англичан компромиссных ценностей продолжают сдерживать радикальный протест, не допуская революционного всплеска.

60–70-е годы XIX в. стали временем формирования «основы» социального компромисса, именно тогда закладываются прецеденты успешного диалога, средний класс получает большее представительство в парламенте, актуализируется идея реформы как инструмента, противопоставленного революции, в это же время формируется тактика снижения конфликтности среди рабочих. Из среды трудящегося населения выделяется рабочая аристократия, которая, однако, не становится лидером революционного протеста, а выбирает путь компромисса, что позволило через лояльные власти тред-юнионы регулировать политическую радикализацию различных социальных групп внутри «рабочих классов», участвующих в профсоюзном движении.

Несмотря на отсутствие масштабных акций выражения рабочего протеста, именно в рассматриваемый период происходит трансформация социокультурного поля и выработка таких форм и методов общественного компромисса, которые позволили избежать революционного взрыва. Период с конца 40-х годов XIX в. до экономического кризиса 1872–1875 гг. стал временем бурного роста британской имперской промышленности и последовательной позитивной динамики получения высокой прибыли. В этих новых условиях уступки промышленников были и возможны, и ожидаемы.

Формируя условия экономической рестабиллизации в третьей четверти XIX в., викторианцы оказались перед задачей выработки новых каналов коммуникации и переосмысления прежних форм выражения бедняками своего недовольства. Небольшие победы на местах, которые могли восприниматься элитами как патернализм работодателей, делали умеренный юнионизм постоянным элементом социокультурного поля, что во многом обусловило легализацию в 1871 г. профсоюзов на государственном уровне.

Стабилизация во внутривнутриполитической сфере, налаживающийся межклассовый диалог и динамически развивающаяся экономическая система не только позволили проводить уступки «сверху», но и легитимизировали постепенное продвижение «снизу». В свою очередь, радикально настроенные слои бедняков, видя медленное, но успешное улучшение условий жизни и труда рабочих приходят к тактике реформизма и все более воспринимают ценности среднего класса. Популяризируется концепт буржуазной успешности; несмотря на сохранение в средневикторианский период «классовой гордости и воинственности, в постчартистскую эпоху классовое сознание и идеализм стали менее значимы, но они не исчезли внезапно» [10, р. 124]. При этом параллельно реализующийся процесс расширения среднего класса способствовал распространению идеи «респектабельности» как маркера социального успеха. И в данном меняющемся социокультурном ракурсе повышение дохода и статуса отдельной семьи имело первостепенное значение, поскольку путь договора и компромисса с промышленником оказывался более надежным, нежели революционный протест, и открывал новые возможности для умеренно настроенных тред-юнионов, тактика которых находила все больший отклик на локальном уровне.

Еще одним действенным способом снижения социальной напряженности выступала эмиграция, выполнявшая в восприятии элитарных слоев роль своеобразного клапана, тогда как для рабочих и бедняков она была запасным вариантом преодоления нищеты, потому что, являясь фактором социальной реальности,

обеспечивала снижение недовольства среди бедных слоев населения. Уже в конце 50-х годов XIX в. при фабриках и заводах организуются кассы материальной помощи рабочим, одной из постоянных статей расходов которых становится сбор и распределение денежных средств для эмиграции рабочих семей. Подобная позиция нашла поддержку в среде интеллигенции. Так Ч. Кингсли в середине века резюмировал: «Эмиграция, и только эмиграция, излечит саму болезнь» (ТМ). Переселение и эмиграция часто становились динамичным фоновым рисунком в изображении пространства популярных воспитательных романов викторианского периода.

Высоко оценивал возможности эмиграции в вопросе социальной стабилизации Ч. Диккенс, авторитет которого в британском обществе был колоссален. Заканчивая в 1850 г. работу над романом «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим», в котором эмиграция является важным элементом сюжета, автор в газете «Домашние слова» представляет общественности подборку писем эмигрантов, переданных лично писателю основательницей «Семейного колониационного ссудного общества» миссис Кэролайн Чизхолм. Из самих писем становятся понятны принципы организации подобных обществ, вписанные в мораль и ценности среднего класса: «Конструкция базируется, в основном, на трех установках. Во-первых, грустно думать, что тысячи британских подданных вынуждены блуждать, больше похожие на призраков, чем на существ из плоти и крови; и что сотни должны умереть от голода, в то время как наши обширные колонии могли бы обеспечить их всем необходимым. Во-вторых, в Англии очень нужно общество, великой моральной целью которого должно быть сдерживание преступности путем защиты и поощрения добродетели. В-третьих, ревностное стремление благотворителей в сочетании с жертвованиями, трудолюбием и бережливостью самих рабочих классов могут достичь великих целей, используя путь эмиграции. По этим основным соображениям предлагается, чтобы проектируемое общество помогало лицам, желающим эмигрировать, ссудой денег на два года или дольше без процентов...» (НВ). Приведенный в газетах позитивный опыт эмиграции должен был привлечь внимание среднего класса, который за счет своей социальной близости к рабочим мог оказать поддержку в организации эмигрантских обществ, эффективном управлении денежными средствами и в их распределении. Подобная риторика под эгидой социальной морали сплачивала средний и рабочие классы, предоставляя властной элите право фиксировать в политическом и законодательном поле уже действующие формы стабилизации в рамках реализации компромиссной модели.

Избирательные реформы трансформировали электоральную базу и увеличили влияние на политическую культуру среднего класса, хорошо знакомого в рамках повседневных практик с интересами и потребностями рабочих и городских низов. К середине XIX в. средний класс выработал коллективный общественный ответ посредством выстраивания публичного диалога. Сочетание классической экономической теории, утилитаризма и евангелизма создало платформу для популяризации идеи о необходимости улучшения морального облика пауперов, повышения образования рабочих, улучшения санитарного состояния городских трущоб. И, несмотря на распространение разнополярных философских и экономических теорий, средний класс смог оформить единый моральный концепт

*над*конфликтной культуры, ставящий своей целью решение проблемы бедности путем приобщения пауперов к ценностям среднего класса. Следует отметить и то, что в данных условиях, проводя межпартийную борьбу за голоса избирателей, правящая элита оказалась перед необходимостью реализации масштабных реформ, объем которых увеличивался в периоды роста протестных настроений.

Изучение и анализ частных социокультурных практик в рамках новой социальной истории требует обогащения исследовательского арсенала актуальных методов с учетом намечающихся в исторической науке методологических тенденций. Применение методик исследований в рамках актуальных направлений развития исторической науки, в свою очередь, впуская в исследовательские модели опыт научных изысканий смежных дисциплин, требует учета самой трансформации исследовательского поля, тонко реагирующего на меняющиеся современные общественные запросы и эволюцию пространства исследования, границы которого становятся менее прочными.

В настоящий момент исследовательское поле новой социальной истории выходит за демаркационные линии монодисциплинарной модели. Осуществляя переход к постнеклассической научной модели, как подчеркивает М.Ф. Румянцева, предметное поле «преодолевают классическую дисциплинарную модель науки, поскольку имманентно предполагает полидисциплинарность, т. е. конструирование своего предмета/проблемы средствами разных научных дисциплин, и междисциплинарность, т. е. использование исследовательских практик различных гуманитарных и социальных наук» [11, с. 409]. Реализация трансдисциплинарного подхода в гуманитаристике, возможности которого могут выкристаллизовывать новые формы как через интеграцию, усложнение и синтезирование нового методологического инструментария, так и через трансформацию интерпретации того, что мы можем концептуально назвать предметом исторического исследования, позволяет значительно раздвинуть границы социокультурных исследований.

Происходит изменение иерархии элементов концептуального поля исследования, выступающих связанными в единой системе базисными точками исследовательской модели – «конституентами поля» [12, с. 18]. И если классический подход новой социальной истории предложил объектом исследования социокультурные практики как специфическое научно осмысленное соединение культурного и социального, то возможности трансдисциплинарности позволяют в рамках одного исследования соединять на основе «базовой» исторической модели актуальные исследовательские концепты из смежных дисциплин и научных направлений. В частности, институциональное оформление нового направления исторических исследований – истории эмоций – и связанный с ним «эмоциональный поворот» [13] в гуманитарных науках позволяют через интердисциплинарный инструментарий изучить широкий круг вопросов влияния эмоциональных состояний на поведенческий выбор личности в социуме, найти его ценностно-психологические императивы.

Социокультурная практика здесь выступает своеобразным субстратом, который способен за счет изначально заложенной в ней междисциплинарности и широты понимания научного концепта «культурного» одновременно, первое, создавать почву для внедрения полизадачности исследования; второе, вводить дисциплинарную демаркацию, отсекающую от исследования строго естественно-

научные, физиологические и биолого-анатомический компоненты. При этом сам феномен страха в исторической ретроспективе может быть рассмотрен как «подвижный и исторически изменчивый комплекс ощущений, эмоций, чувств и состояний» [14, с. 270]. Применительно к изучению влияния практики английской модели компромисса на психологическую сферу жизни викторианцев в области восприятия бедности был проведен анализ социокультурных страхов, где исследуемыми критериями стали такие страхи, как «страх потери работы», «страх бедности», «страх голода».

На основе анализа результатов реконструкции социокультурной практики и ее отражения в формах социальной жизни и индивидуальной деятельности викторианца был сделан вывод о том, что бедность перестает восприниматься главным маркером общественных отношений. Была выдвинута гипотеза, что и связанные с ней страхи будут иметь отрицательную динамику. Однако получение допустимо верифицируемого вывода в заданном контексте применительно к различным общественным группам вызвало необходимость использовать исследовательскую модель на существенной количественной выборке. Возможности трандисциплинарности позволили применить к значительной выборке газет (всего 866 отдельных наименований газет, общим числом 1 062 435 выпусков за период с 1830 по 1890 г., находящихся в цифровом архиве Британской национальной библиотеки (The British Library, London, UK) (BL)) контент-анализ, включающий математическую и статистическую оценку, а также первичную обработку газет с привлечением источниковедческого анализа и цифровых OCR-технологий (optical character recognition).

Для наглядной репрезентации данных показатели были распределены по равноразмерным временным промежуткам – десятилетиям, а для точного корреляционного сравнения при анализе результатов каждой категории были скорректированы хронологические рамки применительно к выполнению данной исследовательской операции до периода с 1840 по 1889 г. включительно (см. табл. 1).

Результаты проведенного исследования показали, что каждый из заданных критериев имеет тенденцию к повышению на всей хронологической шкале выборки, однако при этом необходимо учитывать специфику английских газет (к исследованию был привлечен массив газет исключительно английских графств) как особого источника по истории общественного мнения XIX в. С учетом данных о количественном росте газет на всей протяженности викторианского периода было определено соотношение упоминаний слова «страх» и каждого отдельного исследуемого социокультурного страха. И если в отдельно взятое десятилетие эпистемологически целесообразно сравнивать показатели друг с другом, то динамика каждого параметра в отдельности демонстрирует распространенность страха в его ретроспективе и позволяет сопоставить во временном промежутке с последовательно внедряемыми конструктами через реализацию всей социокультурной практики.

Страх нищеты показывает непрерывную позитивную обратную динамику упоминаний, и если в 30–40-е годы XIX в. почти каждый 7-й страх был связан с бедностью, то после реализации комплекса социальных реформ к концу века только каждый 28-й страх связывался с нищетой, сократившись в 4 раза. Причем наибольшие темпы снижения отмечаются в период стабилизации с 1840 по 1850 г. и пореформенные 70-е годы XIX в.

Табл. 1

Динамика частоты упоминания социокультурных страхов*

Запрашиваемый параметр	1840–1850	1850–1860	1860–1870	1870–1880	1880–1890
Общее упоминание слова «страх»	906 206	1 337 635	1 972 265	1 793 470	2 256 573
Упоминание «страх голода»	52 988	33 746	62 480	66 233	51 401
Соотношение упоминаний «страх голода» и «страх»	17.1	39.6	31.5	27	43.9
Упоминание «страх потери работы»	590 879	730 081	1 000 067	893 700	1 019 117
Соотношение упоминаний «страх потери работы» и «страх»	1.5	1.8	1.9	2	2.2
Упоминание «страх нищеты»	124 078	103 280	127 816	79 126	79 289
Соотношение упоминаний «страх нищеты» и «страх»	7.3	12.9	15.4	22.6	28.4

* Составлено по результатам проведенного контент-анализа текстовых данных с применением автоматизированного компьютерного инструмента MAXQDA по информационной базе данных архива газет The British Library.

Условный «страх голода» представляет в исследовании сумму двух параметров «страх голодной смерти (*starvation*)» и «страх голода (*famine*)». Их суммарное рассмотрение объясняется тем, что эти страхи были синонимичны в понимании викторианца и подпитывались не столько биологическими, сколько социокультурными опасениями при условии негативных экономических факторов – отсюда повышение опасений, связанных с недоеданием в период с 1860 по 1880 г. (экономические кризисы: период «хлопкового голода» и «долгая депрессия» середины 70-х годов XIX в.). Наименьшие колебания показывает упоминание «страха потери работы», несмотря на большее количество упоминаний в абсолютных числовых показателях. В среднем каждый второй страх англичан был связан с безработицей, на данный показатель практически не повлияло становление практики компромисса, что может говорить о фундаментальности аксиологических установок концепта «труд» в постиндустриальном обществе, наследующем традиции протестантской культуры.

Таким образом, изучение и апробация конструируемой модели социокультурной практики социального компромисса викторианского общества на большой исследовательской выборке подтвердили ряд теоретических предположений в рамках применения методологического инструментария новой социальной истории. Однако именно трансдисциплинарность позволила внедрить в единую исследовательскую инструментальную модель разнонаправленные приемы и методы из смежных дисциплин – выдвинув два основных вектора возможности, через интердисциплинарность расширить исследовательское поле изучения социокультурных практик: через полидисциплинарность – объекта изучения, через трансдисциплинарность – методов.

Избранная историком исследовательская парадигма и возможность ее применения на конкретном материале источниковой базы отражают методологический выбор, задачей которого на современном этапе развития науки становится следование принципу интердисциплинарности. Актуальный модус междисциплинарного синтеза предлагает выход из кризиса постмодерна, выступая как мост, ведущий от изучения социокультурных практик к новому уровню исторических исследований, формирование которого в рамках единой концепции требует практической наработки, концептуальной фиксации через институционализацию и отдельного гносеологического осмысления возможностей применения новой модели динамично обновляемого поиска актуальных исследовательских направлений, таких как новая социальная история.

Источники

- Пост. – Постановление Лондонской конференции 1851 года // Шлютер Г. Чартистское движение. – М.: ГИЗ, 1938. – С. 391–401.
- TM – *Kingsley C.* Emigration of women // *Teasdale Mercury*. – 1862. – 23 April.
- NW – A Bundle of emigrants' letters // *Household Words*. – 1850. – 30 Mar.
- BL – The British Library. – URL: <https://www.bl.uk/>, свободный.

Литература

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. – 560 с.
2. *Репина Л.П.* Ситуация в современной историографии: общественный запрос и научный ответ // *Историческая наука сегодня: Теория, методы, перспективы* / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – С. 5–13.
3. *Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П.* Современная историография Великобритании. – М.: Наука, 1991. – 232 с.
4. *Thompson E.P.* *The Making of the English Working Class*. – N. Y.: Vintage Book, 2011. – 839 p.
5. *Моисеев Н.Н.* Коллективные решения и институты согласия. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 2001. – 351 с.
6. *Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. – М.: Текст, 1993. – 301 с.
7. *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. – М.: Academia, 2001. – 461 с.
8. *Кузнецов В.Н.* Социология компромисса. – М.: МГУ, 2007. – 679 с.
9. *Макин И.О.* Компромисс как форма социального взаимодействия // *Социология власти*. – 2010. – № 7. – С. 118–123.
10. *Kirk N.* *Change, Continuity and Class: Labour in British Society, 1850–1920*. – Manchester: Manchester Univ. Press, 2008. – 372 p.
11. *Румянцева М.Ф.* Предметное поле // *Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М.: Аквилон, 2014. – С. 409.
12. *Зубарева Е.О., Шустова С.В., Исаева Е.В.* Концептуальное поле в современной лингвистической парадигме // *Евраз. гуманитар. журн.* – 2019. – № 3. – С. 17–26.
13. *Воробьева О.В.* «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций // *История: Электрон. науч.-образов. журн.* – 2015. – Т. 6, Вып. 9. – URL: <https://history.jes.su/s207987840001247-0-1/>, свободный.

14. Воробьева О.В., Николаи Ф.В. Культурная история страха: эмоции, аффекты и курс безопасности // Диалог со временем. – 2017. – № 61. – С. 262–272.

Поступила в редакцию
01.12.2022

Шабунина Анастасия Константиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела историко-теоретических исследований

Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр-т, д. 32а, г. Москва, 119334, Россия
E-mail: shabunina@bk.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2022, vol. 164, no. 6, pp. 167–179

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.167-179

**Social Compromise in Victorian England
within the Research Field of the New Social History**

A.K. Shabunina

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119334 Russia
E-mail: shabunina@bk.ru

Received December 1, 2022

Abstract

This article is devoted to the methodology for studying the practice of social compromise in Victorian society in the context of the evolution of the modern scientific paradigm and the transformation of the space of scientific search. The current scientific focus of the new social history puts sociocultural practices at the center of its concern. From a methodological perspective, the latter are implicitly governed by the inherent principle of interdisciplinarity, as shown here using the example of the social processes in Victorian England. The practice of social consensus, which has been shaped through the research process, is helpful to consider, using the sociocultural approach, the social and cultural components of the evolution of Victorian society. The results obtained demonstrate that a complex of economic, political, and social practices developed during the period under study, and it significantly changed the sociocultural landscape of public relations in England. The formation of these practices was influenced by the following features characteristic of Victorian society: consistent electoral reforms, the legalization of trade unions, the spread of cooperatives, the democratization of government institutions, the emigration of low-skilled workers, the formation of a new social ideology, and the increase in the educational level of workers. As a form of conflict resolution, the consensus was reached through the prism of combining cultural norms and values of the polar strata of society, where the expanding middle class acted as a stabilizer of the common worldview space. The English social compromise was formed under the conditions of both industrial and imperial successes, made it possible to overcome the socioeconomic crisis, and laid the foundations of the modern European political strategy for pre-empting possible causes of conflict. The most important finding of this investigation is that the constructed research model of social compromise can be expanded by complicating the subject of research and by restructuring epistemologically the historian's tools while using the multidimensionality of the transdisciplinary approach and further pushing the boundaries of research.

Keywords: social compromise, public compromise, new social history, sociocultural practice, research field, interdisciplinarity, research boundaries, Victorian England

References

1. Repina L.P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science between the 20th and 21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow, Krug", 2011. 560 p. (In Russian)
2. Repina L.P. The situation in contemporary historiography: Public demand and scientific response. In: Repina L.P. (Ed.) *Istoricheskaya nauka segodnya: Teoriya, metody, perspektivy* [Historical Science Today: Theory, Methods, and Prospects]. Moscow, Izd. LKI, 2012, pp. 5–13. (In Russian)
3. Sogrin V.V., Zvereva G.I., Repina L.P. *Sovremennaya istoriografiya Velikobritanii* [Modern British Historiography]. Moscow, Nauka, 1991. 232 p. (In Russian)
4. Thompson E.P. *The Making of the English Working Class*. New York, Vintage Book, 2011. 839 p.
5. Moiseev N.N. *Kollektivnye resheniya i instituty soglasiya* [Collective Decisions and Institutions of Consent]. Rostov-on-Don, Izd. Rostov. Univ., 2001. 351 p. (In Russian)
6. Aron R. *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and Totalitarianism]. Moscow, Tekst, 1993. 301 p. (In Russian)
7. Zaitsev A.K. *Sotsial'nyi konflikt* [Social Conflict]. Moscow, Academia, 2001. 461 p. (In Russian)
8. Kuznetsov V.N. *Sotsiologiya kompromissa* [The Sociology of Compromise]. Moscow, MGU, 2007. 679 p. (In Russian)
9. Makin I.O. Compromise as a form of social interaction. *Sotsiologiya Vlasti*, 2010, no. 7, pp. 118–123. (In Russian)
10. Kirk N. *Change, Continuity and Class. Labour in British Society, 1850–1920*. Manchester, Manchester Univ. Press, 2008. 372 p.
11. Rumyantseva M.F. Subject field. In: Chubar'yan A.O. (Ed.) *Teoriya i metodologiya istoricheskoi nauki: Terminologicheskii slovar'* [Theory and Methodology of Historical Science: A Terminological Dictionary]. Moscow, Akvilon, 2014, p. 409. (In Russian)
12. Zubareva E.O., Shustova S.V., Isaeva E.V. Conceptual field in the current linguistic paradigm. *Evrasiiskii Gumanitarnyi Zhurnal*, 2019, no. 3, pp. 17–26. (In Russian)
13. Vorob'eva O.V. "The industry of emotions": Institutional and intellectual resources in the history of emotions. *Istoriya: Elektronnyi Nauchno-Obrazovatel'nyi Zhurnal*, 2015, vol. 6, no. 9. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001247-0-1/>. (In Russian)
14. Vorob'eva O.V., Nikolai F.V. Cultural history of fear: Emotions, affects, and security discourse. *Dialog so Vremenem*, 2017, no. 61, pp. 262–272. (In Russian)

Для цитирования: Шабунина А.К. Общественный компромисс в викторианской Англии в исследовательском поле новой социальной истории // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2022. – Т. 164, кн. 6. – С. 167–179. – doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.167-179.

For citation: Shabunina A.K. Social compromise in Victorian England in the research field of the new social history. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2022, vol. 164, no. 6, pp. 167–179. doi: 10.26907/2541-7738.2022.6.167-179. (In Russian)